

На правах рукописи

ТАМУРА Айка

**ЯПОНСКАЯ ИММИГРАЦИЯ
НА РОССИЙСКИЙ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX в.
(ПО ИСТОЧНИКАМ И ЛИТЕРАТУРЕ
НА ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ)**

Специальность 07.00.03 — Всеобщая история

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Владивосток
2007

Работа выполнена на кафедре страноведения Восточного института
Дальневосточного государственного университета

Научный руководитель: кандидат исторических наук, доцент
Кожевников Владимир Васильевич

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор
Лихарев Дмитрий Витальевич
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Чернолуцкая Елена Николаевна

Ведущая организация: Дальневосточный государственный
гуманитарный университет

Защита состоится 16 марта 2007 г. в 10.00 часов на заседании диссертационного совета Д 005.010.01 при Институте истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН по адресу: 690022, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 89.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН по адресу: 690022, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 89.

Объявление и текст автореферата размещены на официальном сайте ИИАЭ ДВО РАН <http://www.ihaefe.org> 14 февраля 2007 г.

Автореферат разослан «__» февраля 2007 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат исторических наук

Сухачева Г.А.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИИ

Актуальность темы исследования. После подписания «Трактата о торговле и границах» (Симодского договора) в 1855 г. периоды сближения в отношениях двух стран сменялись противостоянием, а с конца XIX и до 20-х годов XX в. они претерпели немало сложных моментов: Русско-японскую войну, японскую интервенцию на Дальнем Востоке России (в японской литературе — сибирская экспедиция) и т.д.

Но в этот период больших исторических перемен на российский Дальний Восток в поисках лучшей доли ехали японцы-переселенцы, о жизни и деятельности которых (хотя максимум их присутствия в регионе достигал 8 000 чел.) известно довольно мало.

После распада СССР российско-японские отношения вступили в новый этап. Укреплялись экономические связи, активно проводились двусторонние обмены на различных уровнях — государственном, муниципальном, личном. В связи с этим возникла необходимость предоставлять участникам российско-японских контактов необходимую информацию, в частности, сведения по истории стран и современному состоянию их экономик, об опыте ведения бизнеса японцев в России и русских в Японии. Кроме того, стало очевидно, что необходимо обучать квалифицированные кадры, которые не только владели бы языками двух стран, но и были знакомы с их реалиями.

Когда сегодня говорят о российско-японских отношениях, то, ограничивая представления о них в целом, особое внимание уделяют периоду после Второй мировой войны. В Японии это вопрос «северных территорий», без решения которого для большинства японцев не может состояться настоящее сближение двух стран. В свою очередь в России существует стереотип: Япония — это загадочная, полная очарования страна, где своеобразная культура уживается с высокими технологиями. Эти неразрешенные проблемы и стереотипы создают определенные препятствия на пути к улучшению взаимопонимания двух стран. Чтобы разрешить и преодолеть их, сегодня необходимо более широкое понимание истории российско-японских отношений, длящихся уже более 150 лет. В этом плане события, связанные с японской иммиграцией на российский Дальний Восток, — малоизученная проблема, представляющая большой интерес для углубления взаимопонимания обоих народов.

Степень научной разработанности проблемы. Историю японских иммигрантов на российском Дальнем Востоке изучали как в России, так и в Японии. Поэтому мы, используя в основном источники и литературу на японском языке, обращались и к материалам на русском языке, необхо-

димым для всестороннего представления проблемы. По хронологии исследования разделяются на три следующих периода.

Первый: конец XIX — первая треть XX в. (труды японских и русских современников — чиновников, членов делегаций из городов Японии, гражданских лиц, появившиеся во времена освоения Россией новых территорий). Второй: 1930-е–1980-е гг. (исследования практически не проводились в обеих странах в связи с исчезновением японской диаспоры на российском Дальнем Востоке и изоляцией СССР). Третий: 1990-е гг. — по настоящее время (появление целого ряда и русских, и японских работ, что объясняется заинтересованностью японской стороны в расширении контактов с Россией, а также ее открытостью).

Первый период. В Японии издавались материалы о Дальнем Востоке России, в частности о Владивостоке (исследования проводились различными организациями). Эти публикации также можно сгруппировать по хронологии. 1. 1870-е–1880-е гг. Сотрудник МИД Японии Сэваки Хисато, начальник управления по освоению Хоккайдо Курода Киётака, его секретарь Судзуки Дайсукэ, командированные во Владивосток для исследования местного рынка, составили отчеты и путевые записи¹. В общем же в то время упоминания о японцах редки, так как они составляли незначительную часть населения Владивостока. Первое описание их экономической деятельности в этом городе дано в отчете о торговле МИД Японии 1881 г. 2. 1890-е–1904 гг. Налаживается систематический выпуск описаний Сибири и Дальнего Востока России, а также путевых записок гражданских лиц. Причины их появления — открытие Транссибирской железнодорожной магистрали в 1903 г. (благодаря чему Владивосток стал ключевым транспортным пунктом) и бум морских рейсов на Владивосток в японских городах, расположенных на берегу Японского моря. Особенно много таких материалов вышло за несколько лет до начала Русско-японской войны². 3. 1905–1917 гг. Победа Японии в Русско-японской войне усилила заинтересованность прибрежных городов страны во внешней торговле. Все чаще ознакомительные делегации направлялись за границу, и каждая по завер-

¹ Сэваки Хисато. Урадзиосутоку кэмбун дзасси = Владивостокские ведомости. 1875. ; Мурато Могонага. Урадзио кико = Путевые записи о Владивостоке. 1878. ; Судзуки Дайсукэ. Урадзиосутоку кико = Путевые записи о Владивостоке. 1879. ; Курода Киётака. Канью никки = Отчет о поездке за границы. 1887. ; Эномото Такзаки. Сибэриа никки = Сибирский путевой дневник. 1878.

² Хаттори Тору. Урадзио но сёрай = Будущее Владивостока. 1892. — 117 с. ; Мацуура Мицуёси. Торо ёко Урадзиосутоку = Важнейший порт восточной России — Владивосток : Миньюся, 1897. — 327 с. ; Урадзио аннай = Справочник по Владивостоку / под ред. Цунода Тадэуро : Нитиро кэйдзайкай, 1902. — 180 с.

шении программы составляла отчет³ о торгово-промышленной деятельности японцев, в котором содержался ее сравнительный анализ относительно китайцев и немцев. 4. 1918–1920-е гг. С началом интервенции (сибирской экспедиции) число японских иммигрантов во Владивостоке возросло до исторического максимума. Появилось множество книг о Дальнем Востоке России и о Владивостоке на японском языке⁴, среди которых особняком стоят труды Мисима Айносуке и Оба Како, содержащие ценную информацию о жизни японцев во Владивостоке.

Среди русских работ первого периода стоит выделить принадлежащие П.Ю. Васкевичу⁵ и В.В. Граве⁶. Васкевич, пионер исследований быта японцев Приамурья, проводил их во второй половине 1903 г., накануне Русско-японской войны, по инициативе директора Восточного Института А.М. Позднеева. В его работе даны описание правового положения японцев в России, устав общества японцев «Кёрюминкай» и т.д. Перед В.В. Граве стояла иная задача: изучить район Амурской железной дороги и выработать меры по его заселению. Характеризуя иммигрантов из Китая, Кореи и Японии, он дает оценку желательности их присутствия на Дальнем Востоке России. В то время как исследование Васкевича описывает лишь факты и носит нейтральный характер, труд Граве, увидевший свет после Русско-японской войны, несет отпечаток антияпонских настроений: в нем, на наш взгляд, преувеличиваются масштабы шпионской деятельности японцев.

Второй период. Хотя в конце 1930-х гг. японские переселенцы покинули российский Дальний Восток и японские исследования этого региона приостановились, некоторые работы все же вышли в свет. Среди них первое в Японии описание эмиграции японцев с исторической точки зрения, принад-

³ Урако карафуту сисацу хококу = Отчет об ознакомительном посещении порта Владивостока и Сахалина / сост. Губернаторство Ниигата. — Ниигата, 1907. — 278 с. ; Урадзю сёкогё тэса хококу = Отчет о положении дел в торговле и промышленности Владивостока / сост. Сёгёдосикай = Ассоциация выпускников коммерческого училища г. Хакодате. — Хакодате, 1908. — 88 с.

⁴ Мисима Айносуке. Урадзюсутоку дзидзё = Положение дел во Владивостоке. Третье издание : Минъюся, 1918. — 367 с. ; Сибэриа кэйдай дзидзё гайё = Обзор экономического положения в Сибири / Исследовательский департамент банка «Тёсэн гинко». 1918. — 138 с. ; Сибэриа = Сибирь / под ред. Исикава Рокуро. — Токио : Минъюся, 1919. — 310 с. ; Кобаяси Куро. Урадзюсутоку сёко = Торговый порт Владивосток / Исследовательский сектор АО «ЮМЖД», 1921. — 459 с. ; Оба Како. Рококу оёби родзин кэнкю = Исследование России и русских. — Токио : Тюокороня, 1925. — 443 с.

⁵ Васкевич П.Ю. Очерк быта японцев в Приамурском крае / П.Ю. Васкевич. — Верхнеудинск, 1905. — 32 с.

⁶ Граве В.В. Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье : отчет уполномоченного Министерства иностранных дел / В.В. Граве. — СПб., 1912. — 489 с.

лежащее Ириэ Торадзи⁷. Его работа позволяет охарактеризовать переселение в Россию на общем фоне японской эмиграции, хотя содержит немного информации по теме данного исследования. Лишь 30 лет спустя, в 1972 г., Като Кюдзо⁸ снова обратил внимание историков на проблему японских иммигрантов на российском Дальнем Востоке и первым использовал отчеты японских консулов во Владивостоке, чиновников, буддийского миссионера, а также литературу того времени, и в 1980 г. опубликовал обзорный труд⁹, охватывающий, в частности, деятельность японцев во Владивостоке и Иркутске, положение японской диаспоры во время Русско-японской войны и интервенции японской армии на российский Дальний Восток. Можно считать, что Като стал основоположником современных исследований жизни японских иммигрантов, живущих в этом регионе. Вслед за ним Хара Тэруюки исследовал неопубликованные источники архива МИД Японии и различные русские материалы по истории региона, включая деятельность японской диаспоры. В его широко известных работах описываются переселение на Дальний Восток граждан Японии, Китая и Кореи, состояние рыболовной промышленности в низовье р. Амур и на Камчатке, торговли, морского сообщения, работа администрации и т.д.¹⁰ Однако в них недостаточно использованы российские неопубликованные источники, а хронологические рамки ограничиваются 1920-ми годами.

Третий период. В 1990-х гг. в связи с открытием Владивостока японские и российские ученые получили доступ к архивам, находящимся в этом городе. Фудзимото Вакио стал одним из первых в Японии исследователей, обративших внимание на газету «Урадзио-Ниппо», выходившую на японском языке, как на ценный источник информации о реальной жизни японских иммигрантов¹¹. Его исследование можно считать одним из базовых, но, тем не менее, основное внимание в нем уделено деятель-

⁷ Ириэ Торадзи. Ходзин кайгай хаттэнси = История развития японской эмиграции. — Токио : Хара сёбо, 1942. — 538 с.

⁸ Като Кюдзо. Урадзио моногатари = История Владивостока. № 1–4 // Юрасия = Евразия — Токио, 1972.

⁹ Като Кюдзо. Сибэриа ки = Записи о Сибири. — Токио : Усио сюпанся, 1980. — 206 с.

¹⁰ Хара Тэруюки. Сибэриа сюппэй — какумэй то кансё = Сибирская экспедиция — революция и вмешательство — Токио : Тикума сёбо, 1989. — 574 с.; Урадзиосутоку моногатари = Эпопея Владивостока. — Токио : Сансэйдо, 1998. — 332 с.

¹¹ Фудзимото Вакио. Нитиро корю но иссэйки = Один век японо-российских связей // Вэру о нуйда кокусайтоси — Урадзиосутоку = Владивосток — снявший вуаль интернациональный город / под ред. Фудзимото Вакио. — Токио : Урадзиосутоку канко иинкай, 1992. С. 28–49 ; Непосредственный опыт понимания России и СССР в Японии // Дальний Восток России и Япония. — Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2004. С. 7–30, и т.д.

ности японцев в пределах Владивостока. На материалы «Урадзио-Ниппо» опирается в своем уникальном, но еще малоизученном труде, Хасимото Тэцуя, который проанализировал сибирскую экспедицию (японскую интервенцию) с точки зрения японской диаспоры во Владивостоке¹². Кроме того, Хасимото представляет историю международных связей городов на побережье Японского моря (префектуры Исикава, Тояма, Фукуи и Ниигата) с Россией конца XIX в. до Русско-японской войны¹³. Контактам с Россией на муниципальном уровне уделял внимание и Савада Кадзухико (связи префектуры Ниигата с Дальним Востоком в 1900–1945 гг. в области рыболовной промышленности, торговли и т.д.¹⁴). Деятельности японских банков («Нагасаки дзюхати гинко», «Тёсэн гинко», «Йокогама сёкин гинко») на российском Дальнем Востоке посвящены уникальные работы Сиратори Масааки¹⁵, а Доки Ясуко на основе данных из отчетов консуль-

¹² Хасимото Тэцуя. Сибэриа сьуппэйки ни окэру Урадзио-Ниппо = «Урадзио-Ниппо» во время сибирской экспедиции // Тохоку адзиаси но сайхаккэн = Пересмотр истории северо-восточной Азии. — Токио : Иванами сётэн, 1994. Гл. 5. С. 101–125.

¹³ Хасимото Тэцуя. Сэндзэнки хокуруку тиики о тьосин то сита тайганкорюкан но кэнто = Пересмотр взглядов на прибрежную торговлю в префектурах Ниигата, Тояма, Исикава и Фукуи в довоенный период : Канадзава дайгаку кэйдзай гакубу ронсю = Сб. ст. экономического факультета ун-та Канадзава. Т. 10. — Канадзава : ун-т Канадзава 1990. № 2. С. 93–120 ; Номура Киитиро то тайган тэса хококу — Урадзиосутоку о тьосин ни = Номура Киитиро и его отчеты о торговле со странами бассейна Японского моря, в частности с Владивостоком : Канадзава дайгаку кэйдзай гакубу ронсю = Сб. ст. экономического факультета ун-та Канадзава. Т. 19. — Канадзава : ун-т Канадзава, 1999. № 2. С. 59–79 ; Нитиро сэно маэ но Исикава-кэн ни окэру тайган дзёхо то нин-сики — Росиа Урадзиостоку о тьосин ни = Сведения и представление о Владивостоке в префектуре Исикава накануне японско-русской войны : Канадзава дайгаку кэйдзай гакубу ронсю = Сб. ст. экономического факультета ун-та Канадзава. Т. 21. — Канадзава : ун-т Канадзава, 2001. № 1. С. 5–20.

¹⁴ Савада Кадзухико. Тайган бёэки то хокуё гёгё но сэнкуся Фусими Хансити ни цуигэ = Фусими Хансити — пионер прибрежной торговли и рыболовства в северных водах // Росиа то Нихон = Россия и Япония. Т. 3. — Токио : ун-т Хитоцубаси дайгаку, 1992. С. 24–36 ; Киндай нитиро канкэйси но нака но этиго-дзин = Выходцы из Ниигата в новейшей истории японо-российских отношений // Тохоку адзиаси но сайхаккэн = Пересмотр истории северо-восточной Азии. — Токио : Юсиндо кобуся, 1994. Гл. 4. С. 82–100 ; Ниигата то Росиа 1900–1945 = Ниигата и Россия 1900–1945 гг. // Росиа бунка то киндай нихон = Русская культура и современная Япония. — Киото : Сэкай-сисося, 1998. Гл. 10. С. 183–199.

¹⁵ Сиратори Масааки. Кёкуто Росиа то нихон но гинко 1880–1931 = Российский Дальний Восток и японские банки 1880–1931 гг. : Тояма кокусай дайгаку киё = Сб. ст. международного ун-та Тояма. — Тояма : ун-т Тояма кокусай дайгаку, 1993. № 3. С. 143–164 ; Нагасаки дзюхати гинко то Урадзиосутоку = 18-й банк Нагасаки и Владивосток. № 1–4 // Нихон то Юрасиа = Япония и Евразия / Японо-евразийская ассоциация. — Токио. 2004–2005. № 1329–1332.

ства Японии во Владивостоке, сохранившихся в архиве МИД Японии, освещает проблему японских проституток в этом регионе России¹⁶.

Особняком стоит работа доктора технических наук университета Васэда Сато Ёити о формировании городского пространства на центральных улицах Владивостока, где он опубликовал составленную им карту размещения японских магазинов в центре города в начале XX в.¹⁷.

Что касается работ этого периода на русском языке, прежде всего отметим большой вклад в исследование японской диаспоры во Владивостоке З.Ф. Моргун¹⁸, которая изучила различные аспекты пребывания японцев на Дальнем Востоке: их объединения, женщины, живущие во Владивостоке, предпринимательство, школа, газеты «Урадзио-Ниппо» (на японском языке) и «Владиво-Ниппо» (на русском языке), буддийский храм «Урадзио хонгандзи» и т.д. З.Ф. Моргун использует больше японских материалов, нежели ее русские коллеги, тщательно анализируя и российские архивные материалы. Отдавая должное ее работам, отметим отсутствие в них комплексного анализа темы на региональном уровне (имеется в виду российский Дальний Восток).

Б.С. Белоус¹⁹, уделяя особое внимание развитию экономических отношений между Дальним Востоком и Японией и роли японских переселенцев

¹⁶ Доки Ясуко. Кёкуто Росиа то нихондзин сёфу = Дальний Восток России и японские проститутки // Росиа-си кэнкю = Истории России — Токио : Росиа-си кэнкю-кай = Общество исследователей истории России, 1995. № 57. С. 19–35.

¹⁷ Сато Ёити. Тэйсэйки но Урадзиосутоку тюсин сигаити ни окэру тосикукан но кэйсэй ни кансуру рэкиситэйки кэнкю = Историческое исследование по формированию городского пространства на центральных улицах г. Владивостока в царский период : дис. ... д-ра тех. наук. Токио: Ун-т Васэда. — 2000. — 314 с.

¹⁸ Моргун З.Ф. Владивосток и японцы // Россия и АТР. 1993. № 2. С. 88–99. ; Из истории японского предпринимательства во Владивостоке // Отчет симпозиума “Поиск отношений между Хакодатэ и Россией — об о-ве Сахалине и Курильских островах”. Хакодатэ : Общество по изучению истории японско-российских отношений г. Хакодатэ, 1995. С. 22–30 ; Японская диаспора во Владивостоке (страницы истории) // Известия Восточного института. 1996. № 3. С. 90–108 ; Японская диаспора во Владивостоке: страницы истории // Acta Slavica Iaponica Tomus XIV. — Саппоро, 1996. С. 136–156 ; Японская газета «Урадзио-Ниппо» во Владивостоке (1917–1922 гг.) // Известия Восточного института. 1998. № 3. С. 182–199 ; Найсэн то кансёсэнко-ки Урадзиосутоку но нихондзин (1918–1922 нэн) = Японцы во Владивостоке в годы гражданской войны и интервенции // Росиа-си кэнкю = История России. — Токио : Росиаси кэнкю-кай, 2000. №67. С. 27–32 ; История японской буддийской молельни «Урадзио хонгандзи» во Владивостоке // Известия Восточного Института. Специальный выпуск. 2002. С. 5–17. и т.д.

¹⁹ Белоус Б.С. О роли японских переселенцев в развитии экономики Приморья во второй половине XIX в. // Третьи Гродековские чтения. Материалы региональной научно-практической конференции “Дальний Восток России: исторический опыт и современность”

ленцев в экономике региона, почти не затрагивает тему их социально-культурной жизни и ограничивается периодом до начала XX в., а также материалами на русском языке.

Работы А.А. Хисамутдинова²⁰ и Г.Д. Ивановой²¹ компактно описывают картину жизни японцев во Владивостоке. Отметим, что Хисамутдинов выявляет тот факт, что в 1930-х гг. некоторые русские, дружившие с японцами, подверглись репрессиям Приморского ОГПУ, а Г.Д. Иванова опирается на документы, составленные профессором Восточного института Е.Г. Спальвиным, эти авторы также не используют японские источники

В работах И.Р. Савельева²², который занимается историей иммиграции восточноазиатских стран (Китай, Корея и Япония) на Дальний Восток Рос-

менные проблемы заселения и освоения территории”. Ч. 2 / под ред. Н.И. Дубининой. — Хабаровск : ДВГНБ, 2001. С. 40–43 ; К вопросу об установлении торговых отношений между Дальним Востоком России и Японией (вторая половина XIX в.) : Сб. материалов седьмой дальневосточной конференции молодых историков. — Владивосток : Изд-во Дальневосточ. ун-та, 2002. С. 23–27 ; Японская иммиграция в Приморье: некоторые аспекты социально-экономической адаптации (конец XIX — начало XX в.) // Изучение русского языка и русской культуры в странах АТР: 15 лет РКИ на Дальнем Востоке: Материалы II Международной научно-практической конференции. — Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2005. С. 217–222 ; Интересы и позиции дальневосточной администрации в вопросе деятельности японского контингента на Дальнем Востоке России в конце XIX — начале XX вв. // Изучение русского языка и русской культуры в странах АТР: 15 лет РКИ на Дальнем Востоке: Материалы II Международной научно-практической конференции. — Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2005. С. 222–227.

²⁰ Хисамутдинов А.А. Японцы во Владивостоке // Из владивостокской старины. — Владивосток : Изд-во ВГУЭС, 2001. С. 142–145.

²¹ Иванова Г.Д. Росиа энкайсю но нихондзинтати — 1900 нэндай = Японцы в российском Приморье в 1900-х гг. // Росиа бунка то киндай нихон = Русская культура и современная Япония. — Киото : Сэкайсисоса, 1998. Гл. 11. С. 201–223.

²² Савельев И.Р. Росиа то Нихон но кёкуто сэйсаку ни окэру нихондзин имин 1860–1917 = Японская иммиграция в контексте российских и японских политик на Дальнем Востоке 1860–1917 гг. : Осакагакуйн дайгаку кокусайгаку ронсю = Сб. ст. по международному исследованию у-та Осакагакуйн. — Осака : ун-т Осакагакуйн, 1996. Vol. 7. № 2. С. 57–84 ; Нихонго симбун «Урадзио-Ниппо» то урадзиосутоку имин = Газета «Урадзио-Ниппо» и японские переселенцы во Владивостке // Имин кэнкю нэмпо = Ежегодник эмиграционного исследования. — Токио : Адзума соуппан, 1996. № 2. С. 115–127 ; Таминдзоку сякай ни окэру дайнисэдай но кёику — Урадзиосутоку но нихондзин сёгакко но рэкиси о мэгуттэ — 1894–1931 нэн = Обучение эмигрантов второго поколения в многонациональном обществе — история японской начальной школы во Владивостоке 1894–1931 гг. : Дзимбун кагау кэнкю = Сб. ст. гуманитарного факультета ун-та Ниигата. — Ниигата : Гуманитарный факультет ун-та Ниигата, 1999. № 100. С. 19–43 ; Дзюкюсэйки кохан ни окэру тьокудзин то нихондзин но кёкуторосиа энэ дэкасэги = Отходничество китайцев и японцев на Дальний Восток России во

сии, тема отражена фрагментарно. Следует отметить, что, переработав множество российских архивных документов, он сумел прояснить курс иммиграционной политики российских властей в отношении японцев. Исследования Т.З. Позняк²³, освещающие переселение в Россию не только поданных соседних азиатских стран, но Европы и США, более масштабны. Благодаря этим авторам мы можем сопоставить отношение местных властей к японским иммигрантам и подданным других государств.

Отдельным направлениям деятельности японцев посвящены работы Л.И. Галлямовой, А.Т. Мандрика, А.А. Торопова, Н.В. Марьясовой, В.И. Косых, В.В. Кузнецова и др. Так, в исследовании Л.И. Галлямовой²⁴, которое отличают обширные статистические данные, полученные из архивных источников, японские иммигранты рассмотрены в контексте развития рынка труда и предпринимательства на Дальнем Востоке России. Она отмечает, что бытовое обслуживание находилось в руках японцев, составлявших незначительную часть рабочих.

А.А. Торопов²⁵, В.И. Косых и В.В. Кузнецов²⁶, исследующие деятельность обществ японцев в городах Дальнего Востока, приходят к выводу, что

второй половине XIX в. // Каннихонкай кэнкю нэмпо = Ежегодник исследования стран бассейна Японского моря ун-та Ниигата . — Ниигата : Аспирантура ун-та Ниигата, 2000. № 7. С. 15–25 ; Кёкуто Росиа тиики ни окэру хигаси Аздиа иминтайсаку но хэнькэатэй 1860–1884 = Процесс и перемены политики в отношении переселенцев из Восточной Азии в 1860–1884 гг. : Дзимбун кагаку кэнкю = Сб. ст. гуманитарного факультета ун-та Ниигата. — Ниитага : Гуманитарный факультет ун-та Ниигата, 2001. № 105. С. 37–52 ; Имин то кокка = Иммиграция и государство. — Токио : Отяномидзу сёбо, 2005. — 323 с.

²³ Позняк Т.З. Иностранные подданные в городах Дальнего Востока России (вторая половина XIX – начало XX вв.) : дис. ... канд. ист. наук / Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. — Владивосток. 2001. — 459 с.

²⁴ Галлямова Л.И. Японские предприниматели во Владивостоке (1900–1913 гг.) // Россия и АТР. 1992. № 2. С. 32–36 ; Японские рабочие на рынке труда российского Дальнего Востока (конец XIX — начало XX вв.) // Отчет симпозиума “История отношений между г. Хакодате и Дальним Востоком России”. — Хакодате : Общество по изучению истории японско-российских отношений, 1994. С. 86–93 ; Развитие российско-японских региональных связей на Дальнем Востоке. Вторая половина XIX–XX вв. основные аспекты // Россия и АТР. 2003. № 1. С. 74–78.

²⁵ Торопов А.А. К истории деятельности японской диаспоры в Приморской области в начале XX в. // Дальний Восток России: Исторический опыт и пути развития региона (Первые Крушановские чтения, 1998 г.). — Владивосток : Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, 2001. С. 217–220.

²⁶ Косых В.И., Кузнецов В.В. Японские общества на Дальнем Востоке и в Забайкалье в конце XIX — начале XX вв. // Пятая дальневосточная конференция молодых историков. — Владивосток : Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, 1998. С. 45–50.

эти общества занимались в основном шпионажем в интересах японского правительства. Поскольку выводы сделаны на основе лишь российских материалов, на наш взгляд, следует рассмотреть этот вопрос с японской точки зрения и попытаться восстановить более объективную картину.

Историю японских концессий на российском (советском) Дальнем Востоке в областях рыболовства, горной, лесной и нефтяной промышленности исследуют как японские (Судзуки Акира²⁷, Мисима Ясуо²⁸, Мураками Такаси²⁹), так и российские (А.Т. Мандрик³⁰, Н.В. Марьясова³¹) ученые. Однако их работы не содержат сведений о том, участвовали ли японские иммигранты в этих концессиях.

Рассмотрев труды на японском и русском языках по теме диссертации и смежным темам, можно отметить следующее.

До сих пор не проведено комплексное исследование вопроса о японских иммигрантах на российском Дальнем Востоке. Опубликованные работы рассматривают каждое явление, будь то создание организации или общественная тенденция, как отдельный объект отдельного исследования, не определяя его связь с процессом развития японской общины.

Анализ данной проблемы, проведенный на основе указанных нами работ, показывает, что, с одной стороны, нехватка материалов и архивных документов на русском языке присуща японским исследователям. С другой

²⁷ Судзуки Акира. К российским берегам — советско-японские отношения в области рыболовства до 1945 г. // Россия и АТР. 1992. № 2. С. 37–41 ; 1907 нэн но Нитиро гёё кёяку то рёкоку но гёгё канкэй = Японо-российское рыболовное соглашение в 1907 г. и двустороннее отношение в области рыболовства // Отчет симпозиума “История отношений между г. Хакодатэ и Дальним Востоком России”. — Хакодатэ : Общество по изучению истории японско-российских отношений г. Хакодатэ, 1994. С. 1–6.

²⁸ Мисима Ясуо. Хокуё гёгё-си но кэйэйси-тэки кэнкю = Исследование истории рыболовства в северных водах с точки зрения управления. — Киото : Минэрува сёбо, 1971. — 276 с.

²⁹ Мураками Такаси. Китакарафуто сэкино консэссён 1925–1944 = Нефтяные концессии на Северном Сахалине 1925–1944 гг. — Хоккайдо : Хоккайдо дайгаку тосё канкай, 2004. — 430 с.

³⁰ Мандрик А.Т. История российско-японских рыболовных отношений в середине XIX — начале XX веков // Отчет симпозиума “История отношений между г. Хакодатэ и Дальним Востоком России”. — Хакодатэ : Общество по изучению истории японско-российских отношений г. Хакодатэ, 1994. С. 77–85 ; Тихоокеанское побережье России как объект японских инвестиций в области рыболовства в 20-е — 30-е годы XX в. // Отчет симпозиума “Поиск отношений между Хакодатэ и Россией — об о-ве Сахалине и Курильских островах”. — Хакодатэ : Общество по изучению истории японско-российских отношений г. Хакодатэ, 1995. С. 1–12.

³¹ Марьясова Н.В. Иностраный капитал на Дальнем Востоке России в 20-30-е годы (концессии и концессионная политика Советского государства) / Н.В. Марьясова. — Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2000. — 168 с.

стороны, труды российских ученых обедняет отсутствие японских источников и литературы, в них не представлена точка зрения ученых или иммигрантов из Японии. И, как следствие, у тех и у других исследователей часто встречаются ошибки в именах и названиях, им также присущ односторонний подход. Кроме того, на данный момент недостаточно изучена газета «Урадио-Ниппо», отражающая жизнь японских иммигрантов.

Таким образом, очевидна необходимость комплексного анализа истории японской иммиграции на российский Дальний Восток в первую очередь на основе японских материалов, что не исключает, разумеется, привлечение и российских материалов для максимально полного охвата проблемы.

Цель и задачи работы. Основной целью работы является комплексный анализ жизни и деятельности японских переселенцев на российском Дальнем Востоке. Это необходимо для целостного рассмотрения истории японской иммиграции в регионе. Достижение поставленной цели подразумевает решение следующих задач: 1) поэтапная реконструкция истории японской иммиграции на Дальнем Востоке; 2) выявление правового статуса японцев; 3) выяснение степени участия японских иммигрантов в экономической жизни Дальнего Востока; 4) определение специфики социально-культурной деятельности японцев.

Объектом исследования является процесс японской иммиграции на российском Дальнем Востоке. Переселенческое движение, начавшееся после открытия Японии, находилось под контролем правительства. Однако эмиграция японцев на Дальний Восток России отличалась от этого процесса относительно других стран: эти переселенцы находились вне эмиграционной политики Японии.

Предметом исследования является экономическая и социально-культурная деятельность, правовое положение и повседневная жизнь японских иммигрантов на российском Дальнем Востоке.

Хронологические рамки исследования охватывают период со второй половины XIX в. до первой трети XX в., т.е. с начала переселения японцев в 1860-х гг. до полного исчезновения японской общины на российской территории в 1937 году.

Географические рамки исследования охватывают территорию российского Дальнего Востока (Приморского, Хабаровского краев, Амурской, Камчатской областей), а также (частично) Читинскую и Иркутскую области. Статистические данные показывают, что 90% японцев, проживавших в России, было сосредоточены на этих территориях. Европейская часть России не входит в географические рамки исследования (там пребывали в основном японские дипломаты и стажеры). Кроме того, в данной работе о-в Сахалин рассматривается лишь как центр рыболовной промышленности японцев: об иммиграционных процессах, связанных с

японцами, в силу историко-политических причин, что происходили на этой территории, говорить не приходится.

Методология исследования основана на принципах историзма и объективности, которые позволили автору рассмотреть связь объекта исследования (процесс японской иммиграции на российском Дальнем Востоке) и его развитие в контексте конкретно-исторических событий и во взаимосвязях с японской общиной, выявить характеристику диаспоры. Для адекватности анализа исторических фактов работа опирается на принцип объективности. Кроме того, диссертация основывается на сравнительно-историческом методе, позволившем автору сопоставить процессы эмиграции японцев на Дальний Восток России и в другие страны. Проблемно-хронологический метод дал возможность рассмотреть проблемы образования японской общины на российском Дальнем Востоке в структурированном временном контексте. Методы сравнений, актуализации и структурно-системный метод использованы для воссоздания как составных частей, так и общей картины явления и позволили автору сделать обобщения, представив жизнь японских переселенцев в комплексе. Для тщательного анализа отдельных аспектов темы использованы также междисциплинарные статистический, краеведческий и социологический подходы. Кроме того, при представлении сведений в табличной и диаграммной формах был использован метод классификации.

Источниковая база. Источники, использованные в данном исследовании, отражающие историю вопроса и позволяющие провести комплексный анализ проблемы, разделены нами на две группы: 1) неопубликованные источники на японском и русском языках; 2) опубликованные источники на японском и русском языках. К первой группе относятся: японские материалы — отчеты Генерального консульства Японии в г. Владивостоке из Архива МИД Японии и документы из Государственного архива Японии и др., русские — документы Владивостокской городской управы за 1870–1926 гг., Главного управления Восточной Сибири за 1858–1903 гг., Канцелярии Приамурского генерал-губернатора за 1861–1930 гг. (Российский государственный исторический архив Дальнего Востока. Ф. 28, 701, 702) и др. В источниках на японском языке содержится подробная информация о жизни и профессиях японцев, деятельности обществ японцев и японской школы, а также данные о численности японских переселенцев, собранные и систематизированные японскими консульствами на Дальнем Востоке. Из российских документов мы можем узнать курс иммиграционной политики российских властей по отношению к японским иммигрантам (в частности, позиции генералов-губернаторов разных периодов), получить представление о деятельности японцев в регионе, например, из составленного японцами «прошения Городской управе».

Вторая группа: на японском языке — исследования и отчеты, составленные современниками японских переселенцев конца XIX — первой трети XX в., статистические ежегодники Японии, автобиография Тоидзуми Ёнэко³², мемуары потомков японских иммигрантов³³, газета «Урадзио-Ниппо»; на русском языке — местные газеты, выходившие с конца XIX в. до начала XX в. во Владивостоке, позволившие автору выяснить представления русских о Японии и японцах, а также издаваемая японцами на русском языке газета «Владиво-Ниппо». В японских исследованиях и отчетах ознакомительных делегаций конца XIX — первой трети XX в. содержится обширная и ценная информация об экономической и социально-культурной деятельности японцев Дальнего Востока России, которую невозможно отыскать в российских материалах. Автобиография и мемуары иммигрантов передают реальную картину жизни японцев на основе их собственного опыта или семейных материалов, оставленных предками-переселенцами. Газеты, изданные японцами, сообщают о важных событиях городов Дальнего Востока, рассказывают о социальной деятельности, повседневной жизни и праздниках японских переселенцев. Необходимо отметить, что автор часто пользуется японскими статистическими данными, поскольку они в значительной степени достоверны: эти данные составлялись на основе рабочих документов консульств Японии, регистрация в которых была обязательной для каждого приезжающего японца. Японцы также заносились в списки местных правительственных учреждений России. Тем не менее, японские и российские данные о численности японского населения расходятся, причем в японских материалах японцев всегда насчитывается больше. Автор считает, что японская статистика дает информацию более точную, нежели российская. Причины в следующем: 1) при регистрации японцев русскими властями не учитывалось наличие иммигрантов, въезжающих без паспортов. Однако, поскольку в консульстве Японии японцу выдавался паспорт, оно имело более точную информацию, в том числе и о проститутках, которые не имели паспортов; 2) общества японцев, согласно уставу, учитывали всех японцев, проживающих в регионе; 3) в японской статистике, как правило, отражено число японцев на конец декабря — время, когда не было сезонных отходников, т.е., число иммигрантов постоянного проживания. На этом основании можно предположить, что хотя действительная численность населения в регионе всегда была гораздо больше, чем указано в статистике, тем не менее японские данные были более близки к реальности.

³² Тоидзуми Ёнэко. Рира но хана то сэнсо = Сирень и война. — Фукуи : Кавадая инса-цупу, 1998. — 488 с.

³³ Например, Хориэ Мати. Харуканару Урадзиосутоку = Далекий Владивосток. — Осака : Симпу сёбо, 2002. — 252 с.

Научная новизна работы. В российской и в японской исторической науке это первая попытка комплексного представления истории японской иммиграции на российском Дальнем Востоке. До сих пор изучались лишь ее отдельные темы: общество японцев, буддийский храм, японские школа и газета, причем территориальные рамки часто ограничивались Владивостоком. В данной же работе автор, опираясь на труды предыдущих исследователей, делает попытку провести многосторонний анализ жизни и деятельности японских иммигрантов на Дальнем Востоке России.

В научный оборот впервые введен широкий пласт материалов и источников на японском языке: архивы МИДа Японии, справочники, путеводители, отчеты XIX — начала XX в. и другие издания. Кроме того, тщательно анализируется газета «Урадзю-Ниппо», материалы которой, на наш взгляд, не получили должного отражения в предыдущих исследованиях.

Японские переселенцы находились в «горячей точке» — на российском Дальнем Востоке, где со второй половины XIX — до первой трети XX в. разворачивались важнейшие для двух стран события, такие как Русско-японская война и японская интервенция (сибирская экспедиция). Исходя из этого, анализируя историю японской иммиграции и деятельность иммигрантов, мы можем по-новому оценить историю российско-японских отношений.

Практическая значимость работы: исследование содействует более глубокому взаимному пониманию японо-российских отношений не только в историческом контексте, но и на современном этапе.

В настоящее время российско-японские связи активно развиваются, главным образом благодаря усилиям органов местного самоуправления, однако участники этих связей зачастую обладают ошибочными представлениями и стереотипами, поскольку знакомы лишь с современными реалиями. Автор считает, что по-настоящему крепкие и выгодные обеим сторонам связи могут возникнуть только на основе широкого знания и понимания истории. В этом плане опыт японских переселенцев на Дальнем Востоке России — первопроходцев народной дипломатии, отраженный в работе, особо ценен для участников российско-японских отношений. Кроме того, результаты диссертационного исследования могут быть использованы преподавателями и студентами, изучающими историю Японии и российско-японских отношений. С расширением экономических связей обеих стран множество японцев стало посещать Россию, а некоторые остаются здесь на длительный срок, не являясь иммигрантами. Еще и по этой причине опыт японских переселенцев можно использовать как образец совместного проживания иностранных и русских подданных.

Структура работы. Работа состоит из четырех глав, введения и заключения. В первой главе рассмотрены все этапы переселения японцев на

Дальний Восток России и дана характеристика японского населения городов этого региона. Вторая глава посвящена правовому статусу японских иммигрантов, отношению к ним местных властей. В третьей главе автор выявляет степень участия японских иммигрантов в экономической жизни российского Дальнего Востока и классифицирует их по группам. В четвертой главе исследуется социально-культурная деятельность японцев — религиозная жизнь, образование детей, пресса, быт и т.д.

Положения, выносимые на защиту.

1. Переселенческое движение японцев на российский Дальний Восток совпало с началом массовой эмиграции из Японии после открытия страны. Однако японские эмигранты переселялись в Россию по собственной воле, что отличает их от других соотечественников-эмигрантов.
2. Процесс развития японской иммиграции проходил поэтапно. Разделение на этапы базируется на степени развитости японской общины, а также на основе важнейших политических событий в истории двух стран.
3. Японские иммигранты сыграли определенную роль в экономической и социально-культурной сферах российского Дальнего Востока. При этом их правовой статус определялся на основе русско-японских договоров.
4. Специфика японской общины на Дальнем Востоке определена следующими причинами: отсутствие внимания государственной эмиграционной политики Японии к проблеме японских переселенцев в данный регион, особенности их контингента, большая потребность в адаптации.
5. Точка в истории японской иммиграции в Россию была поставлена в результате действий государственной политики России и Японии, несмотря на то, что иммигранты находились вне курса эмиграционной политики Японии.

Апробация работы. Основные положения данного исследования отражены в четырех опубликованных работах общим объемом 2,3 п. л., в том числе в реферируемых журналах (2 статьи объемом 1,2 п.л.), а также в докладах на международной и региональной конференциях: «Тихоокеанская Россия в истории российской и восточно-азиатских цивилизаций» — У Крушановские чтения, Владивосток, июнь 2006 г.; «Научная конференция преподавателей, аспирантов и студентов Восточного института», Владивосток, апрель 2006 г.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во *введении* раскрывается актуальность темы, ее научная новизна и практическая значимость, определяются объект и предмет исследования, хронологические и географические рамки, формулируются цели и задачи, кратко анализируются использованные источники и материалы. Здесь же характеризуются изученность темы, методология исследования и обосновывается структура диссертации.

Глава 1. Этапы переселения японцев на Дальний Восток России. В 1–4 разделах первой главы рассматривается история японской иммиграции на российский Дальний Восток. Россия и Япония стали соседями вследствие расширения российской территории на восток с XVII в. В это время сложились предпосылки появления японских иммигрантов на российском Дальнем Востоке, а именно: существенный недостаток здесь рабочих рук и малочисленность предпринимателей (среди русских переселенцев большинство были военными и крестьянами). Японская иммиграция в Россию началась с середины XIX в. Её историю можно разделить на пять этапов.

Первый: 1860-е–1880-е гг., характеризуется переселением малочисленных групп японцев во Владивосток из Нагасаки, где зимовали корабли Сибирской флотилии. После установления регулярного морского сообщения в 1880 г., японское население значительно увеличилось. Первые японцы переселялись на Дальний Восток России спонтанно, так как находились вне эмиграционной политики своей родной страны.

Второй: 1890-е–1904 гг., наблюдался резкий рост и диверсификация японского населения Дальнего Востока. Тому есть две причины: установление морского сообщения от Кобэ и Цуруга и начало строительства Уссурийской железной дороги. В этот период формировалась японская община на Дальнем Востоке, ядром которой были традиционные для японцев организации и заведения — «Кёрюминкай», буддийский храм, школы.

Третий: 1905–1917 гг., с развитием регулярного рейса из Цуруга на Дальний Восток стали переселяться японцы из разных префектур Японии. Города побережья Японского моря, заинтересованные в установлении собственных торговых отношений с Россией, проводили исследования дальневосточного рынка. Тенденция к увеличению связей с Россией проявилась и в сфере подготовки кадров-русистов на курсах местных коммерческих училищ в Японии. В конце этого этапа японцы во Владивостоке начали выпускать газету «Урадзио-Ниппо» — факт, говорящий о развитости японской общины.

Четвертый: 1918-й — октябрь 1922 г., время японской интервенции. Японские резиденты вынуждены были сосуществовать с армией: объединившиеся владельцы торговых домов создавали фирмы по военным поставкам. Однако из-за послереволюционного хаоса и экономического за-

стоя в России жизнь японцев на российском Дальнем Востоке сильно осложнилась. С выводом японских войск в октябре 1922 г. многие японцы покинули Россию.

Пятый: с ноября 1922 и по 1930-е гг. — заключительный этап в существовании японской диаспоры на Дальнем Востоке России. Оставшиеся на Дальнем Востоке японцы были под надзором ГПУ, пережив немало трудностей. В августе 1936 г. Япония и Германия начали переговоры о заключении антикоминтерновского пакта, и ГПУ были арестованы 8 японцев, включая буддийского священника. В июне 1937 г. всех японцев, кроме дипломатов, вынуждали возвратиться на родину.

Кроме того, в первой главе, анализируя статистические данные, диссертант рассматривает население и деятельность японцев на Дальнем Востоке, которая продолжалась в течение 70 с лишним лет — со второй половины XIX по первую треть XX в., когда здесь сосредоточилось более 90% живущих в России японцев и он стал «передовой линией» контактов двух стран.

Глава 2. Правовой статус японских иммигрантов в России. Во второй главе главным предметом анализа становится отношение русских властей к японцам и их правовое положение на российском Дальнем Востоке. Данная глава состоит из трех разделов. Первый — иммиграционная политика России и отношение местных властей к японским иммигрантам. Если говорить об азиатских странах, то российская политика менялась в соответствии с изменениями международной обстановки. Отношение к китайцам и корейцам время от времени, при смене губернаторов, претерпевали изменения, но что касается японцев, то крутой поворот произошел лишь однажды — после Русско-японской войны. До ее начала приезд японских переселенцев в основном приветствовался, так как создавалась своего рода конкуренция китайским рабочим, однако после войны в России появилась тенденция воспринимать японцев как потенциальных противников.

Во втором разделе второй главы подробно рассматривается деятельность японских консульств и паспортный контроль. В частности, отмечено, что в большинстве случаев нарушения паспортного режима совершались по инициативе нанимателей рабочей силы, чтобы избежать формальностей.

Третий раздел посвящен проблеме «желтой опасности» относительно присутствия японцев на Дальнем Востоке России. Анализируя местные газеты Владивостока, диссертант сводит эту проблему к двум пунктам: хищнический вылов японцами рыбных богатств (о чем русские газеты писали уже в конце XIX в.) и подозрение в разведывательной деятельности (стал актуален после Русско-японской войны). В основном подозрения вызывали деятельность японских фотоателье, а также обществ, которые русские власти называли «государством в государстве».

В борьбе с японским шпионажем местные власти пытались принимать строгие меры, однако центральные власти России были более снисходительны, поскольку не собирались выделять среди прочих иностранных подданных японцев Дальнего Востока и вводить для них специальное законодательное регулирование.

Глава 3. Участие японских иммигрантов в экономической жизни российского Дальнего Востока. В этой главе рассмотрены экономические отношения между Россией и Японией, развитие морского сообщения, выявляется степень участия японских иммигрантов в дальневосточной экономике по группам.

Попытки установления торговых отношений Японии с Владивостоком начались с организации ярмарки товаров, привезенных из Хоккайдо в 1878 г. Наблюдалось несколько критических пиков импорта из Японии: накануне отмены порто-франко (1900 г.), в период высокой послевоенной конъюнктуры после восстановления порто-франко (1906 г.), во время Первой мировой войны (1916 г.) и японской интервенции (1919 г.). В 1920-х гг. русско-японская торговля оказалась в кризисе из-за социальных перемен в России. К тому же с выводом японских войск резко уменьшилось японское население российского Дальнего Востока, а также импорт из Японии. И все же с 1890-х и до 1920-х гг. Дальний Восток был центром экономических отношений между двумя государствами.

Автор анализирует историю развития морского сообщения между российским Дальним Востоком и Японией, хронологически разделяя ее на три периода и отмечая, что оно способствовало переселению японцев и играло важную роль в развитии их общины на Дальнем Востоке.

По степени участия в экономической жизни российского Дальнего Востока автор исследования разделяет японских иммигрантов на три группы — «активную», «пассивную» и «изолированную».

«Активная» — торговцы и ремесленники, которые работали не только для своих соотечественников, но и для русских покупателей, и в определенной степени способствовали экономическому развитию региона, они изучали русский язык, преодолевая языковой барьер (существенную причину их недостаточной конкурентоспособности на рынке по сравнению с немцами), для привлечения русских покупателей нанимали русский персонал. Эту группа сыграла большую роль в формировании японской общины Дальнего Востока.

К «пассивной» группе относились сезонные отходники и служащие филиалов государственных банков. Сезонные отходники (например, рыбаки), поскольку жили в Японии и работали на основе рыбной конвенции (1907, 1928 гг.), были иммигрантами краткосрочного пребывания. По подобной схеме работали и российские филиалы японских банков («Мацуда

гинко-бу», «Тёсэн гинко», «Йокогама сёкин гинко»), которые в основном занимались сбережениями и денежными переводами японских торговцев. Таким образом, представители этой группы никогда не были активными участниками дальневосточной экономики.

Японские проститутки, компенсирующие недостаток женщин на Дальнем Востоке, выделены нами в «изолированную» группу. Как и первая группа, они ориентировались на местных клиентов, но в японской диаспоре жили в отчуждении. Следует отметить, что военный город Владивосток, где особенно проявлялся дисбаланс полов, стал центром японской проституции этого региона.

Необходимо отметить, что все три группы отображают и негативную, и позитивную стороны истории японских иммигрантов.

Глава 4. Социально-культурная деятельность японцев на Дальнем Востоке России. В первом разделе автор рассматривает функцию и деятельность обществ, созданных японцами. Владивостокские объединения были самыми большими и организованными: «Кёрюминкай» заведовало канцелярскими делами, «Сёюкай» (или «Сёкокай») исполняло функцию торгово-промышленной палаты, а «Дзидзэнкай» занималось благотворительной деятельностью. Дружеские отношения среди японцев укреплялись в клубе «Нихондзин курабу». Каждое из этих образований играло определенную роль в укреплении взаимосвязи японцев различных профессий.

Основным предметом второго раздела («Религиозная жизнь японцев на Дальнем Востоке России») данной главы является деятельность буддийского храма «Урадзио хонгандзи» во Владивостоке, к 1918 г. влияние этой буддийской школы распространилась среди японских переселенцев в Хабаровске, Благовещенске, Иркутске, Петрограде. Кроме того, храм оказывал различную помощь японцам (устройство отходников на работу, хлопоты о переводе денег в Японию), в нем проводились празднества по случаю дня рождения императрицы. Храм играл роль духовной опоры, был центром просвещения и коммуникации для японцев, живущих вне родины.

Третий раздел посвящен деятельности японской школы во Владивостоке, которая стала важнейшим учебным центром общины. Открытая в 1894 г. (в 1902 г. управление ею было передано в ведение общества «Кёрюминкай»), школа была официально признана японским и российским правительствами. Здесь обучали языку и культуре родной страны, как это было принято в Японии, но одновременно — русскому языку и русской культуре. Деятельность японской школы во Владивостоке символизировала появление второго поколения переселенцев: диаспора стала «пускать корни» на российском Дальнем Востоке.

Важным моментом развития японской общины стало создание газеты «Урадзио-Ниппо», историю которой автор рассматривает в четвертом разделе.

Это уникальное периодическое издание выпускалось на японском языке с декабря 1917 г. благодаря материальной помощи живущих на Дальнем Востоке японцев, а на русском языке печаталась (с апреля 1920 г. по октябрь 1922 г.) на средства оккупационной японской армии. Сравнив содержания двух газет, автор подчеркивает разницу их характера: коммерческо-коммуникационный и военно-политический. Благодаря газете японцы получали больше общей информации, а взаимосвязь членов диаспоры укреплялась.

В пятом разделе рассматривается вклад японцев в местное образование. Именно они сыграли большую роль в подготовке японистов Восточным институтом, которому принадлежит огромный вклад в развитие востоковедения России. Без такого сотрудничества невозможно было бы собрать и составить учебные материалы по японскому языку, приобрести японские типографские шрифты и т.д.

В последнем, шестом разделе четвертой главы, диссертант уделяет внимание бытовой жизни японцев на Дальнем Востоке России. Здесь анализируются одежда, питание, жилищный вопрос, безопасность населения и праздники. Адаптируясь к русской культуре, переселенцы, тем не менее, старались максимально организовать свою жизнь так, как привыкли жить в Японии. Они, каких бы успехов не достигала японская община в своем развитии, никогда не забывали о своей родине.

Заключение содержит основные выводы диссертации.

Появление японских иммигрантов на российском Дальнем Востоке произошло в силу совпадения интересов принимающей их страны, России, и страны выезда, Японии. Во второй половине XIX в. Россия начала осваивать Дальний Восток, а Япония вышла на мировую арену. В то время в Японии начались проблемы, связанные с демографическим взрывом на фоне модернизации и индустриализации после реставрации Мэйдзи. Избыточное население, потерявшее свои земли в результате аграрной реформы, хлынуло в большие города, однако рынок труда не мог принять огромную массу новых рабочих, которые вынуждены были выезжать за границу в поисках заработка. Япония встала перед необходимостью экспорта рабочей силы, на которую существовал спрос на Гавайях, в Северной и Южной Америке. В то же время в регионе России, что находился гораздо ближе, возникли серьезные проблемы: крайняя нехватка рабочей силы, недостаток коммерсантов из-за дисбаланса населения по профессиям (основная часть переселенцев — крестьяне и военные) и по демографическому составу (меньшинство женщин). Таким образом, отправившись в Россию, часть японских эмигрантов нашла выход из затруднительного финансового и экономического положения на родине.

В истории японской эмиграции переселение японцев на российский Дальний Восток имело свою особенность: оно происходило вне курса

эмиграционной политики японского государства. Для пересечения океана эмигрантов необходимо было обеспечить транспортом, этим занимались частные эмиграционные агентства под контролем японского государства. Так как агентств по эмиграции в Россию почти не было, это означало, что переселение находилось вне соответствующего государственного контроля, и японские эмигранты были «самостоятельными», «свободными», переселялись по собственной воле.

Кроме того, почву для переселения на российский Дальний Восток укрепили регулярные морские рейсы и обеспечение правового статуса: права японцев в России были регламентированы первыми русско-японскими договорами 1855, 1858, 1875, 1895 гг. К концу XIX в. была создана база для свободной экономической деятельности японцев.

Также в иммиграционной политике России по отношению к азиатским странам не было установлено каких-либо ограничений, направленных именно на японцев, поскольку она была рассчитана в основном на многочисленных китайцев и корейцев. Отношение русских властей к японцам изменилось в отрицательную сторону после Русско-японской войны, но не отразилось на иммиграционной политике. Таким образом, за всю историю японской иммиграции на Дальний Восток для нее никогда не существовало юридических препятствий.

В описанных выше условиях японская иммиграция развивалась в течение выделенных нами пяти этапов: начало иммиграции (1860-е–1880-е гг.), формирование японской общины на Дальнем Востоке (1890-е–1904 гг.), возобновление и развитие деятельности японцев после Русско-японской войны (1905–1917 гг.), период японской интервенции (1918–1922 гг.) и распад японской диаспоры (1923–1937 гг.). Из этих этапов можно выделить два ключевых: 1890-е по 1904 гг. и с 1905 по 1917 гг. Во время первого развивалась социальная составляющая жизни японской общины: в 1892 г. во Владивостоке было организовано общество японцев «Домэйкай» (в 1902 г. преобразовано в «Кёрюминкай»), открыта японская начальная школа (1894 г.) и построено здание буддийского храма «Хонгандзи» (1896 г.). Развивалось и морское сообщение, впоследствии сыгравшее важнейшую роль для становления экономической базы японских переселенцев. С 1905 по 1917 гг. бурно рос бизнес японских иммигрантов, в этот период повышается экономическое значение региона для Японии и интерес японской стороны к России. Так, Владивосток привлек внимание таких крупных торговых концернов, как «Мицуи» и «Мицубиси», а в городах побережья Японского моря муниципалитеты активно направляли свои делегации с целью изучения дальневосточного рынка, была начата подготовка будущих кадров-русистов. Таким образом, в эти два этапа сформировался фундамент жизни и экономической дея-

тельности японских иммигрантов на Дальнем Востоке, однако японская интервенция снова лишила их средств к существованию. Именно государственная политика прервала историю японских переселенцев, ставших, вне зависимости от соответствующей политики японского государства, «самостоятельными» эмигрантами.

Японские иммигранты и их община на российском Дальнем Востоке имели свои характерные особенности: «малочисленность» этнической группы и «замкнутость» в социальном плане. По данным 1914 г., японцы составляли лишь 2% населения Владивостока и относились к самой малочисленной из этнических групп. Они были склонны к созданию «замкнутой» этнической общины, где по привычному для них образцу («так же как в Японии») воспроизводили административную и образовательную организации, переносили в первоначальном виде свои обычаи, правила, жизненный уклад. Такая склонность проявлялась не только в быту, но и, частично, в экономической деятельности. Это прежде всего относится к рыбакам и служащим банков, в данной работе мы определили их как «пассивную» (с точки зрения участия в экономической жизни Дальнего Востока) группу.

«Замкнутость» японских иммигрантов в своей этнической общине наблюдалась повсюду в мире. Такая их особенность, как нежелание ассимилироваться, привела, в частности, к заключению в США Американо-японского джентльменского соглашения 1907 г., когда переселение в США выходцев из Японии было запрещено. На Дальнем Востоке России японские иммигранты, так же как и везде, сохраняли свои обычаи и объединялись через организации по национальному признаку. Однако в России не возникало экстремистских антияпонских настроений. Можно предположить, что причиной этого была «малочисленность» японцев среди этнических групп. В связи с отсутствием японских эмиграционных агентств, работающих по этому региону, а также непричастностью государства к вопросу переселения своих граждан в данный регион, число японских иммигрантов увеличивалось незначительно. Поэтому, вероятно, российское правительство не предпринимало крупномасштабных политических мер в отношении присутствия японцев, живущих на территории России.

Следует отметить, что «замкнутость» японцев имела скрытые причины. Первые переселенцы были людьми из необразованных слоев населения. Нетрудно понять, что им с большим трудом давалось изучение русского языка, незнание которого было большой проблемой и для японских торговцев, из-за чего они не могли адаптироваться, им пришлось объединяться в свой микромир. В результате сформировалось такое качество японской общины, как «замкнутость».

Но японское население было неоднородно, и некоторая его часть, например торговцы и ремесленники, стремились преодолеть «замкнутость»

общины. В данной работе они выделены в «активную» группу по степени участия в дальневосточной экономике. Кроме того, японские врачи также являлись «активным элементом» в том плане, что к ним обращались русские и китайские пациенты. Японцы-преподаватели Восточного института также активно общались с русскими и вносили вклад в местное образование. Такие японцы занимали около 50% японского населения, а значит, можно говорить, что половина диаспоры вела активные контакты с внешним миром. Следовательно, японская община обладала уникальными свойствами — «замкнутостью» и в то же время «стремлением к адаптации».

Деятельность некоторых иммигрантов была рассчитана непосредственно на русских клиентов. В данном случае речь идет о японских проститутках, которых мы отнесли к «изолированной» группе, их наличие объясняет особенность японской общины на Дальнем Востоке: женщин в ней было столько же, сколько и мужчин, в отличие от других этнических групп, где мужчины составляли большинство (особенно у китайцев). Однако проститутки были «изолированными» от своих соотечественников, ведущих добропорядочную жизнь, что объясняет следующую характерную особенность общины: она была «замкнутой» не только от русского общества, но и от части своих земляков. Таким образом, особенности японской иммиграции и японской общины на российском Дальнем Востоке состояли в следующем. «Самостоятельные» и «свободные» японские переселенцы создавали «малочисленную» этническую группу и своеобразную «замкнутую» общину со «стремлением к адаптации». «Замкнутость» общины была направлена не только на внешний мир (местное неапонское население), но и на японок, которых община считала «еретичками». Такие характеристики, как «самостоятельность», «свобода» и «малочисленность» сложились в связи с тем, что японцы переселялись на Дальний Восток вне эмиграционной политикой Японии. Напротив, «замкнутость» и «стремление к адаптации» были связаны с составом японского населения: с одной стороны, необразованные жители деревень, незнакомые с русским языком, а с другой — представители профессий, предполагающих необходимость прямых контактов с местным населением.

Японская община на Дальнем Востоке зеркально отражала политический курс и социальные сословия Японии того времени. История японской иммиграции в этом регионе была историей простых граждан, непричастных к государственной политике двух стран. Она открывает нам новые возможности для рассмотрения российско-японских отношений на иных уровнях — межличностном, бытовом, гуманитарном.

В приложении включен устав общества японцев, проживающих во Владивостоке, таблицы, хронология и фотографические материалы.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИИ ОТРАЖЕНЫ В СЛЕДУЮЩИХ ПУБЛИКАЦИЯХ

Статьи в периодических изданиях перечня ВАК

1. Тамура, А. Общество японцев на Дальнем Востоке России // Вестник ДВО РАН. 2006. № 5. С. 165–169 (0,4 п.л.).
2. Тамура, А. Японская историография отношений Японии и Дальнего Востока России (последняя треть XIX в. — конец 20-х годов XX в.) // Россия и АТР. 2005. № 1. С. 75–84 (0,8 п.л.).

Монографии, статьи в научных сборниках и периодических изданиях, другие работы

1. Тамура, А. Деятельность японцев во Владивостоке: последняя треть XIX в. — 20-е годы XX в. (по данным японских материалов) // Известия Восточного института. 2005. № 9. С. 128–138 (0,5 п.л.).
2. Тамура, А. Из истории торгово-промышленной деятельности японцев на Дальнем Востоке России (1870-е–1922 гг.) // Россия и АТР. 2007. № 1. С.123–132 (0,6 п.л.).

Тamura Айка

**ЯПОНСКАЯ ИММИГРАЦИЯ НА РОССИЙСКИЙ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX в.
(ПО ИСТОЧНИКАМ И ЛИТЕРАТУРЕ НА ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ)**

АВТОРЕФЕРАТ

Подписано в печать 17.01.2007.
Формат 60x84 1/16. Усл. печ. л. 1,63 Уч. изд. л. 1,19.
Тираж 120 экз. Заказ

Издательство Дальневосточного университета
690950, г. Владивосток, ул. Октябрьская, 27

Отпечатано в типографии
Издательско-полиграфического комплекса ДВГУ
690950, г. Владивосток, ул. Алеутская, 56